

DOI: 10.12731/2218-7405-2014-1-12

УДК 821.112.2

ОСОБЕННОСТИ КОМПОЗИЦИИ РОМАНОВ ИОГАННЕСА БОБРОВСКОГО «МЕЛЬНИЦА ЛЕВИНА», «ЛИТОВСКИЕ КЛАВИРЫ»

Гильфанова Г.Т.

Статья посвящена рассмотрению поэтики романов И.Бобровского, а именно, анализу их сюжетно-композиционной структуры. Основная идея произведений подчинена авторскому вымыслу, который более настойчиво «внедряется» в историю, свободно обращается с ней, перерабатывает её художественно.

Целью статьи является выявление специфики литературно-образного воссоздания исторических событий и идейной трактовки немецкой истории в романах И.Бобровского посредством анализа особенностей их композиции.

Метод или методология проведения работы: Материалом исследования послужили романы И. Бобровского «Мельница Левина», «Литовские клавиры». При анализе текстов произведений по исследуемой проблеме были использованы сравнительно-исторический и структурный методы.

Результаты: Проведенное нами исследование дает основание полагать, что с точки зрения сюжетно-композиционной структуры оба романа Бобровского являются непростыми для восприятия, это особо заметно при сравнении романов И.Бобровского с другими романами исторического плана, произведениями других авторов, для которых в основном характерны четко обрисованный сюжет, последовательность изложения, неторопливый как сама история ход повествования. Вместе с реально-историческим материалом в его

романе следуют мифологические фольклорные элементы, причем в интересном сочетании, необычных, почти незаметных переходах. Но это все вовсе не уменьшает масштабность его романов, а напротив, говорит об особых путях, об особом умении Бобровского проникнуть и охватить большие масштабы жизни, скрытые глубины.

Область применения результатов: Результаты проведенного нами исследования могут быть использованы при чтении лекций по истории зарубежной литературы XX века, в курсе «История немецкой литературы» на факультетах и отделениях германской филологии институтов и университетов.

Ключевые слова: И. Бобровский, сюжетно-композиционная структура, идейная трактовка истории, поэтика.

COMPOSITIONAL PECULIARITIES OF IOHANNES BOBROVSKY'S NOVELS "LEVIN'S MILL", "LITHUANIAN CLAVIERS"

Gilfanova G.T.

Article is devoted to poetics of I. Bobrovsky's novels, especially to the analysis of their subject-composite structure. The basic idea is concerned with author's fiction, which is insistently "introduced" in the history, easy deals with it, reworks its artistically.

The aim of the article is identifying of the specifics of literary and imaginative reconstruction of historical events and ideological interpretations of German history in the novels of I. Bobrovsky by analyzing specifications of their composition.

Method or the methodology of work: Among research material are I. Bobrovsky's novels "Levin's mill", "Lithuanian claviars". Analyzing the texts of works on the researched topic were used comparative-historical and structural methods.

Results: Our study suggests that in terms of plot and compositional structure both the Bobrovsky's novels are challenging for perception, this is especially noticeable comparing novels of I. Bobrovsky with other historical novels, which are mainly characterized by clearly outlined plot, sequence of presentation, as calm as history itself course of the narrative. The actual historical material in his novel is followed by mythological folk elements, notably, in an interesting combination, unusual, almost imperceptible transitions. But all this doesn't diminish the immensity of his novels, but instead talks about specific ways of Bobrovsky's special ability to penetrate into and cover large scale of life, hidden depths.

Practical implications: The results of our research can be used for lectures on the history of foreign literature of XXth century, in the course "History of German Literature" at faculties and departments of Germanic Philology institutes and universities.

Keywords: I. Bobrovsky, plot-composite structure, the ideological interpretation of history, poetics.

Системный анализ поэтики романов Бобровского с особой художественной организацией изображаемого материала дает возможность говорить о целом ряде изобразительных приемов автора, которые делают его романы исключительно оригинальными, неповторимыми: отражение, изображение стихии народной жизни, труда и творчества – через особую повествовательную технику, через образы, через слово.

Поэтика романов Бобровского подчинена задаче выявить подлинную, глубинную правду о немецкой истории, о немецкой жизни – так, как ее понимает Бобровский, – ненавязчиво проводимой полемике против «германской политики». Альфред Курелла говорит о романе «Мельница Левина»: «Используя языковое умение и свое творческое воображение, И. Бобровский рисует в этом романе реальную картину жизни Западной Пруссии перед наступлением нового столетия и на примере простой истории подводит

нас к трагическим событиям, которые происходили в недавнем прошлом. Этой книгой, в которой ставится чрезвычайно важная национальная тема, автор поэтически осмысливает взаимоотношения немцев и поляков в прошлом» [5]. Поэтика несёт на себе печать жанровой специфики прозы Бобровского, заключает и проявляет в себе идейный план произведений, исторические взгляды Бобровского, его понимание истории (как жизнь народа, его деятельность, его дух, его творчество, язык и т. д.). Народная жизнь выводится писателем на первый план, она, а не официальная Германия – главное и определяющее в немецкой действительности. Романы Бобровского построены таким образом, что в них как бы берет слово народ, народная стихия, а также выразители народного духа – художники, поэты, музыканты. Народная, трудовая Германия оживает на страницах романов Бобровского, он дает слово именно народной Германии, тем, кто, по его мнению, является её истинным представителем, её «голосом». Стихия народной жизни определяет и стихию народной духовной жизни, народного творчества, народного языка, речи, песен и т. д. «Мне необходимо правильно читать и хорошо говорить на народном языке, к помощи которого я прибегаю в написании моих рассказов», – размышлял писатель в своих воспоминаниях [5].

Уже само начало романа «Мельница Левина» необычно и многозначительно. «Может быть, зря я надумал рассказать, как мой дедушка сплавил мельницу по вешней воде, а может быть и не зря». Такое начало в сказовой форме имеет глубокий, на наш взгляд, смысл: автор, хотя несколько и сомневается в том, что его история достигнет своей цели и автору удастся объяснить людям истину, все же решается взяться за непростое дело « а может быть и не зря», т.е. может, кто-то поймет, поймет и расскажет другим. Ведь правда, истина – они доступны далеко не всем, и не всем они нужны. Иначе говоря, уже с первых строк романа автор включается в ход изложения и самое главное – включает в процесс восприятия самих читателей.

При кажущейся фрагментарности, свободном монтаже изобразительных средств есть принципиальное структурирование художественных элементов, которыми пользуется автор романа «Мельница Левина». Хотя внешне кажется: все происходит свободно, построение романа спонтанно, в нем нет внутреннего единства. А фактически здание каждого романа продуманно, есть стержень, вокруг которого строится все произведение. Таким стержнем в романах Бобровского (а это имело место и в его рассказах) выступает рассказчик, по определению писателя, «хозяин повествования», который и определяет внутреннее единство романа. В романах как бы есть свой «тамада» – ведущий праздника, где собрались люди – повеселиться, порадоваться, выразить свои чувства, где звучат прибаутки, сказки, легенды, анекдоты. Вот этот «тамада» в романах ведет повествование, свободно соединяет время, пространство, страны, людей, события: он высказывает собственное мнение о прошлом, об истории, которое не соответствует изжившей себя точке зрения немецких чиновников. Поэтому в романах Бобровского все как бы определяет стихия народного праздника, народного гулянья. Люди ведут себя свободно, говорят открыто, поют, пляшут. Все это и есть основной принцип поэтики Бобровского, определяющий систему повествования. Карл Зукмайер при вручении Бобровскому премии имени Карла Вейлона (где роман «Мельница Левина» был признан лучшим немецким романом 1965 года) говорит: «Прежде всего в романе «Мельница Левина» нас потрясает сила свободного, естественного тона повествования, живость воображаемого действия и колоритные образы его персонажей, которые напоминают музыкальную фольклорность композитора Б. Бартока» [5]. «Критика автора направлена против чванливого «верхнего слоя»: чиновников, полицейских, землевладельцев» [5]. Как было отмечено, одним из художественных приемов Бобровского является соучастие самого автора в ходе обрисованных им событий и включение, вернее, стремление включить в ход событий и читателя.

Художественное осмысление истории, проведение смысловых нитей из современности в прошлое и наоборот, а также сочетание разнородных элементов и сказовой манеры повествования, органический сплав литературы и фольклора позволяют считать роман «Мельница Левина» романом в форме историко-фольклорного повествования. Роман удивляет необычайной яркостью и пластичностью изображения, захватывает целые пласты истории и народной жизни. Последовательного движения сюжета в «Мельнице Левина» (как впрочем и в другом романе, анализируемом нами) нет. Действие прерывается неожиданными «провалами», переносящими читателя в совершенно иную историческую эпоху, побочные эпизоды тоже неожиданно обретают большую самостоятельность. Лишь постепенно выясняется, что все эти отступления – как и нередкое смешение реальности и фантастики – обогащают и углубляют основную концепцию романа. Основное же в романах Бобровского – это повествование о драматической странице в социальной борьбе своего народа. Глубинное родство с его духовным миром помогает писателю выразительно запечатлеть сложный путь людей труда к свободе, их нежелание жить в рамках порядка, навязанного «верхами».

Как известно, художественные отражения исторического времени могут быть прямыми и опосредованными. Даже тогда, когда художник совсем не касается проблем своего времени или, не приемля его, отвергает какое-либо его отношение к истории, оно всегда так или иначе сказывается в характере, особенностях его художественного повествования.

Бобровский стремился постичь глубинные законы истории. В его личном творческом опыте важным средством освоения этих законов была дистанция во времени. Особо следует выделить перемещение во времени. Такие особенные выразительные средства, художественные скачки из одного пространства в другое вносят новое в изображение исторической темы в литературе. Бобровский вводит своего читателя в суть дела, сделав, таким образом, его участником действия. Чтобы это осуществить, автор как раз создает дистанцию

во времени. Например, в «Мельнице Левина» действие переносится в прошлый век, его начало помечено 1874 годом. На страницах романа оживает родной Бобровскому край с его пестрым населением – поляками, немцами, литовцами, цыганами, евреями, русскими, – где говорят на смеси из разноязыких слов и где живут люди с самыми разными интересами. Этот романтический и многострадальный край становится для писателя художественной моделью непростого сосуществования различных национальностей, протекающего под зловеще надвигающейся тенью велико-германской империи.

Использование писателем метафорических, фантастических элементов интенсифицируют историческую проблематику произведения: в «Мельнице Левина» «явления духов» острее и четче выявляют социальную и национальную подоплеку конфликтов, конкретно-исторический фон романа. «Спустилась ночь. Дедушка лежит в постели. Кристина спит, а ему не спится, и тут ему является дух, если такое и взаправду бывает... – у него короткая черная борода, а звать его Полеске, он дедушкин предок. Дух стоит в спальне и что-то говорит ... и речь у них все про одно и то же... Мое Право» [1].

Явления духов (эти полеты во времени) предоставляют возможность изображать историческую перспективу: позволяют читателю углубиться в историю, проследить «генеалогию Бобровского». Через мистические образы, «явления духов», автор рассказывает генеалогию старика – мы узнаем историю его рода (деда, отца, пращура), – которые приходят к читателю из исторической реальности. Таким образом, Бобровский здесь использует очень интересный прием: реальная история в романе представлена с помощью «нереального».

В романе «Литовские клавиры» рассказчик проецирует себя в фигуре учителя Пошки, который, в свою очередь, проецируется во времена поэта Донелайтиса. Эта связь проходит в пространстве так, что образы говорят друг с другом. Это происходит в линейной перспективе, но во временном пространстве. Бобровский как бы ищет тригонометрический пункт, в котором пересекаются линейные перспективы. Таким образом, автор актуализирует

прошлое, сопоставляет ответственность за настоящее с историческим событием, преследует цель: быть одновременно как здесь (в настоящем), так и там (в историческом прошлом).

Здесь Бобровский создает новые возможности эпического реализма в немецкой литературе современности. Он преодолевает ограниченный шаблон «здесь – литература современности», «там – исторический рассказ». Переходы из одного времени в другое (из двадцатого века, из деревушки Клайпедского края, где живет учитель Пошка, в 18 век, время жизни литовского поэта, пастора, Кр. Донелайтиса) незаметны. Пошка ощущает себя порой Донелайтисом и свою девушку в «таких полетах» в прошлое называет именем жены литовского поэта, Анной Региной. Для него прошлое – это вчерашнее настоящее. Он живет полнокровной жизнью в своих снах и после пробуждения не может осознать, спал он или все проходило наяву. На наш взгляд, этот новаторский художественный прием, который использовал Бобровский, дал, несомненно, новую уникальную возможность изображения истории и тем самым расширил границы художественного проникновения и освоения прошлого.

Бобровский монтирует общие планы (фрагменты информативного звучания, краткий пересказ событий) с планами крупными. Знакомя читателя с округой (с так называемой Кульмской землей), в которой разворачиваются события романа «Мельница Левина», с ее географическим положением и наконец, с тем, что описываемая местность граничит с Русской Польшей, Бобровский как бы невзначай, без перехода, рассказывает в одном предложении об остатках мельницы еврея и подчеркивает важность этого сообщения. Вслед за этим – разговор Мари и Левина.

В большом увеличении автор показывает лица и дела, как бы растягивает по контрасту с беглым сообщением о чередности происшествий, рассказы об отдельных событиях. Такой рваный ритм в раскрытии событийного ряда сохраняется в сфере описательной, где обобщенные картины исторического

быта сочетаются с подробным описанием произведений искусства, картин в «Литовских клавирах». Все эти художественные средства, выдающие связь с фольклорными первоисточниками, служат главной задаче романист – а показать в изображении иных эпох тесную связь с основными конфликтами и тенденциями нашего времени.

«...Часто встречается то, что иногда называют «сжатием» времени. Повествование, насыщенное острыми жизненными конфликтами, в которое вовлечены многие герои, развертывается стремительно. Изображение событий, сложнейших психологических коллизий концентрируется на протяжении сравнительно небольшого промежутка времени – иногда нескольких дней или даже нескольких часов» [2]. Эти слова известного литературоведа Храпченко М.Б. как нельзя лучше объясняют построение романа Бобровского «Литовские клавиры». Действие романа происходит в точно обозначенные дни 1936 года, но в него включаются и более далекие события: времена, на которые приходится детство Фойгта, события 18 века, когда жил и работал Донелайтис. Разные эпохи сосуществуют в романе почти равноправно, переходы из одного времени в другое не оговариваются, внешне ничем не обозначаются. Только что перед нами был немолодой человек, профессор Фойгт. И вдруг фраза: «У мальчика светлая голова...» – за которой краткий рассказ об ученичестве Фойгта – автор переносит нас в детство героя, при этом не объясняется ни цель, ни необходимость таких переносов (хотя так накладываются друг на друга временные слои, прошлого и настоящего; меняются личности: фигура «Я – рассказчика» в «Я хочу уйти» вдруг переходит на молодого человека по имени Фердинант и потом на тетюшку Хермине и т.п.). Такие переносы-переходы осуществляются Бобровским не только во времени, но и в пространстве: автор не ограничивается только тем, что задерживается в одной местности. Если он только что «в городе, около фабрики, недалеко – вокзал...», то на другой день он просыпается и живет в мечтах. «Нет границ. Не видно конца дороги. Луч не виден. Это невыразимо. Это местность, где мы живем».

Право автора-хозяина в прозе Бобровского – своеобразная черта. Можно предположить, что это идет от романтической традиции, когда авторское «я» решительно выстраивает мир по своему образцу, и также – и мир произведения.

Прошлое и современность, фашизм и искусство – вариации этих тем легли в основу «Литовских клавир». Опыт жизни автора помогают разглядеть в своих героях, безобидных на первый взгляд, нечто зловещее, бесовское... Адвокат Нейман из Мемеля со своими подручными в литовской деревне ведет себя как хозяин. В трактир Платнера в поисках своего мужа, учителя, влетает Гермина Канкелат. Пророчески звучат слова автора: «Оглянись вокруг, Гермина Канкелат, и не забудь того, что увидишь. Кто здесь перед тобой? Хочешь, мы назовем их? Смотри, как они там сидят, орут, пьют за здоровье своего фюрера; он как раз хлопнул кого-то из них по плечу и напомнил о другом великом фюрере, которого зовут иначе, не так, как его, не Нейман» [1]. В смысл этих строк писатель хотел вложить свое мировосприятие. Быть может, подобно Гермине Канкелат, он сам был участником такой же сцены, происходящей на его глазах июньским днем 1936 года: зарождение фашистского национализма в Мемельской области, в деревне у своей бабушки. Другими словами, этот миг «пьянства, похлопывания по плечу», который мы наблюдаем в этой сцене, в изображении Бобровского преподносится как начало трагедии немецкого народа. Таким образом, этот эпизод как бы демонстрирует присутствие рассказчика, который комментирует происходящее.

Хотя идейный замысел романов, на первый взгляд, прост и прозрачен (это, как было отмечено нами в предыдущих главах, – попытка взглянуть на историю немецкого народа с современной точки зрения, стремление понять, показать источники, причины его трагедии в годы фашизма), композиция произведений очень сложна и трудна для восприятия. Характерная для Бобровского свобода повествования, необязательность фабулы и классической последовательности событий как раз и вызывают большие трудности в их

восприятию. Трудности восприятия необычной манеры Бобровского вызваны и тем, что в его романах нет закрепленной точки зрения. Связь субъективного авторского сознания с изображаемыми объектами осуществляется у него очень непросто, иной раз необходимо повторное, а то и комментированное чтение, чтобы открылось все смысловое богатство этой связи.

То, что в «Мельнице Левина» Бобровского отсутствует сюжет в его традиционном понимании, говорит событие, которое могло послужить сюжетом (о нем мы узнаем стороной). Первый раз о мельнице Левина упоминается в четвертом пункте, где «маленькие люди» поют и выставляют на посмешище дедушку, во второй раз история с мельницей рассказывается Хабеданком, которого посадили сюда за поджог, по «тяжкому подозрению». «Другая мельница», много меньше, только прошлый год ставлена на живую руку... и как она устояла зиму и весну, это просто удивляться надо» [1]. Об исчезновении мельницы мы узнаем только в пункте шестнадцатом: «И вот как-то утром, по весне, мельницы Левина будто не бывало... А все дело в том, что пришла полая вода... Старик поставил против своей мельницы запруду, ... и вот плотину прорвало. Но только не водой прорвало» [1]. Говоря иначе, тема у Бобровского возникает раньше, чем об этом событии будет рассказано. События, не связанные между собой сюжетно, удаленные друг от друга в повествовании, во времени и в пространстве, составляют неожиданным образом некое единство (например, история Л. Гольдкрон и самоубийство Йозефы). Начнем с того, что Ян Марцин рассказывает о Л. Гольдкрон (8 глава), об этой красивой женщине, «что бродила по стране босиком ... пока старый князь ... не велел ее поймать ... она же спустя годы утопилась» [1]. Пришла Лея на озеро старухой, сложила все свои украшения на берегу и вошла в воду, чтобы никогда уже не вернуться назад. Сходную историю о самоубийстве дает, но уже об Йозефе, жене проповедника Феллера, Бобровский в конце одиннадцатой главы. «Йозефа ушла. В медлительную воду. В эту речушку, что уносит ее прочь» [1]. Это первое, что объединяет судьбы обеих женщин. Во-

вторых, обе женщины, и Л. Гольдкрон, и Йозефа были несвободны и задыхались от отсутствия свободы, для них невыносима чужбина. Единственным выходом освобождения от «оков» несвободы стала для Леи и Йозефы смерть.

Таким образом, с точки зрения сюжетно-композиционной структуры оба романа Бобровского являются непростыми для восприятия, это особо заметно при сравнении романов И. Бобровского с другими романами исторического плана, произведениями других авторов, для которых в основном характерны четко обрисованный сюжет, последовательность изложения, неторопливый как сама история ход повествования и т.д. Вместе с реально-историческим материалом в его романе следуют мифологические фольклорные элементы, причем в интересном сочетании, необычных, почти незаметных переходах, оживают народные верования, предания, легенды, и все это воссоздает духовную атмосферу жизни простолюдинов, закрепляет фольклорные краски, оживает прекрасная природа Мемельского края; прочувствованное понимание природы ощущается и в описании немецким писателем древних исторических памятников немецкой и литовской культур (алтарь в Малькенской церкви – «Мельница Левина»). Но это все вовсе не уменьшает масштабность его романов, а напротив, говорит об особых путях, об особом умении Бобровского проникнуть и охватить большие масштабы жизни, скрытые глубины.

Оригинальное видение мира, специфика художественного освоения немецкой истории писателем проявляется в поэтике его романов: в «Мельнице Левина» он рисует «этот мир восточного пограничного района между Германией и Польшей» [5]; повествовательная структура романа «Литовские клавиры», характерная именно для И. Бобровского, способствует проведению параллелей между прошлым и современностью (вымышленный сюжет, герои, их связи, особая подача реальных фактов).

Список литературы

1. Бобровский И. Избранное. М.: Молодая гвардия, 1971.
2. Храпченко М.Б. Творческая индивидуальность писателя и развитие литературы. М.: Сов. писатель, 1975. С. 34.
3. Behrmann A. Facetten: Untersuchungen zum Werk I. Bobrowskis. Stuttgart: Ernst Klett Verlag, 1977. 88 p.
4. Bobrowski I. Selbstzeugnisse und Beiträge über sein Werk. Berlin: Union Verlag, 1966. 255 p.
5. Bobrowski I. Selbstzeugnisse und Beiträge über sein Werk. Berlin, 1975.
6. Bobrowski I. Levins Mühle. 34 Sätze über meinen Vater. Nachwort von Bernd Leistner. Verlag Philipp Reclam. jun. Leipzig, 1971. pp. 127-146.
7. Leistner B. Johannes Bobrowski. Studien und Interpretationen. Berlin (DDR): Kütten & Loening, 1981. 227 p.

References

1. Bobrovsky I. Selected. M.: Young guard, 1971.
2. Hrapchenko M.B. Creative personality of the writer and literary development. M.: Sov. writer, 1975. P. 34.
3. Behrmann A. Facetten: Untersuchungen zum Werk I. Bobrowskis. Stuttgart: Ernst Klett Verlag, 1977. 88 p.
4. Bobrowski I. Selbstzeugnisse und Beiträge über sein Werk. Berlin: Union Verlag, 1966. 255 p.
5. Bobrowski I. Selbstzeugnisse und Beiträge über sein Werk. Berlin, 1975.
6. Bobrowski I. Levins Mühle. 34 Sätze über meinen Vater. Nachwort von Bernd Leistner. Verlag Philipp Reclam. jun. Leipzig, 1971. pp. 127-146.
7. Leistner B. Johannes Bobrowski. Studien und Interpretationen. Berlin (DDR): Kütten & Loening, 1981. 227 p.

ДАнные ОБ АВТОРЕ

Гильфанова Гульнара Тавкильевна, к.ф.н., доцент кафедры иностранных языков

Набережночелнинский институт (филиал) Казанский (Приволжский) федеральный университет

Проспект Сююмбике, 10А, г. Набережные Челны, 423800, Россия

e-mail: gulnara_tav@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Gilfanova Gulnara Tavkilyevna, candidate of philological sciences, docent of chair of the Foreign Languages

Nabrezhnochelninski institute (branch) Kazan (Volga region) federal university

10A, Sjujumbike Avenue, Naberezhnye Chelny, 423800, Russia

e-mail: gulnara_tav@mail.ru

Рецензент:

Шастина Е.М., зав. кафедрой немецкой филологии, доктор филологических наук, профессор, Елабужский институт Казанского (Приволжского) федерального университета